

Парадоксы советско-китайской и либерально-демократической моделей правления*

Руслан Хестанов

Доктор философии, заведующий Лабораторией исследований культуры Института исследований культуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация
E-mail: khestanov@hse.ru

Артём Космарский

Кандидат социологических наук, научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН).
Адрес: Мароновский пер., 26, Москва, Российская Федерация, 119049
E-mail: artyom.kosmarski@gmail.com

В фокусе статьи находятся две модели политико-государственных образований — либерально-демократическая и советско-китайская. Использование концепции *решения* Никласа Лумана при анализе их системных оснований открывает новую перспективу как на эти модели, так и на современный политический процесс. Был предложен краткий обзор дискуссии по теме принятия решений в организациях и обоснована эвристическая ценность концепции решения, развитой Никласом Луманом. Решение понимается им как функция и элемент организации или организационных систем. Организация непрерывно принимает решения, но ни одно из них не решает проблему, поскольку в его основе находится парадокс: решать можно только те вопросы, которые принципиально неразрешимы. Вместе с тем каждое новое решение не только является ответом на вызовы окружающего мира, но контингентным образом определяется серией предшествующих решений. Поэтому можно говорить о том, что в основе процесса принятия решений лежит конституирующий организацию парадокс, который определяет ее специфику и идентичность. В статье демонстрируется, что в основе либерально-демократической модели лежит парадокс политики и администрации. В основе советско-китайской — партии и государства.

Ключевые слова: СССР, Китай, решение, политико-административная дихотомия, однопартийное государство, Никлас Луман

Парадоксальность решения

В настоящей статье будут представлены две известные модели политико-государственных образований, которые мы условно назовем либерально-демократической и советско-китайской. Их сопоставление само по себе не может претендовать на оригинальность. Однако использование *теории систем* и концепции *решения* Никласа Лумана при анализе их системных оснований поможет по-новому взглянуть на современный политический процесс.

* Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Стратегии нормализации повседневности в чрезвычайных ситуациях: инерция аффекта и открытость вызовам», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2023 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Изначально вопрос звучал прямолинейно: кто и каким образом принимает политические решения? Исследователи феномена принятия решений часто упоминают историю о том, как принимал решения по важным политическим вопросам Бенджамин Франклин. Вертикальной линией он делил лист бумаги на две равные части, а затем записывал аргументы «за» и «против» в разных колонках. Как правило, этот старый анекдот используется для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что в современных условиях решения не принимаются в результате рационального взвешивания аргументов и не имеют интенциональной природы. Дискуссия по поводу принятия решений, которая развернулась 70 лет назад, охватила разные гуманитарные и социальные дисциплины. Рациональность и как норма, и как практический принцип решения была отвергнута. Джеймс Марч, которого нередко цитировал Луман, подвел предварительные итоги этой длительной дискуссии в статье 1997 года. Современные теории принятия решений опираются на четыре представления: 1) решения рождаются как результат серии предшествующих действий; 2) они подчиняются логике идентичности, которая реализуется через систему организационных структур, правил, ролей и привычек; 3) решения являются результатом столкновения разных импульсов в жизни различных агентов; 4) решения обусловлены контекстом, который обживается и оценивается индивидом (March, 1997). Однако в этой плодотворной для социологии организаций полемике, как замечает А. Н. Андерсен, само понятие решения как бы отступает на второй план, начинает занимать все более ненадежную позицию, теряя свой изначальный смысл: «Решение, похоже, превратилось из интенционального коммуникативного акта <...> в особый ритуал среди множества других ритуалов» (Andersen, 2001: 5).

Нет смысла сейчас глубоко погружаться в эту интересную дискуссию. Опишем в общих чертах только ту содержательную позицию, которую занял Луман. С его точки зрения, решение нельзя интерпретировать как результат или нечто произведенное. Его нельзя определять как продукт консенсуса, достигнутого в спорах, или же работы сложных организационных устройств, деталями которых могут быть бюрократические аппараты, медийные кампании, формальные и неформальные институты вроде государственной бюрократии, политических партий, парламентов, семейных или территориальных кланов и т.п. Решение также не является результатом процесса социализации или коллективной работы над неким индивидуальным решением, которое обрастает подробностями, аргументами, предпосылками, исходящими от разных индивидов или организаций. Легко сказать, чем не является решение. Трудность возникает тогда, когда ставится вопрос о том, что же оно из себя представляет.

Внутри теории систем Лумана концепт решения, как один из важнейших, имел собственную историю становления и интерпретации. В данном случае неуместно подробно останавливаться на этой истории. Обратимся к относительно поздней версии, которая, по нашему мнению, обладает значительным эвристическим потенциалом. В статье «Организация и решение» решение не получает окончательного понятийного определения, но разворачивается в сложном нарративе,

из которого мы узнаем, что оно понимается как элемент организации или организационных систем. Луман делает важную оговорку: рассматривать элемент следует не как «онтологический предикат, но как функцию». В чем состоит эта функция? Решение — это фиксация одной альтернативы в горизонте других альтернатив, которым она была предпочтена. Здесь, на наш взгляд, уместна одна аналогия с похожим по силе абстракции определением. Речь идет о данном Грегори Бейтсоном определении бита, единицы информации, как «различия, производящего различие». С функциональной точки зрения решение производит в организации ту же операцию, что совершает различие в информационном потоке фиксирует себя в однозначной форме, в одной из альтернатив. Тем самым решение не только закрывает отодвинутые в сторону альтернативы, но и преодолевает неопределенность. Таким образом, говорит Луман, происходит настройка ожиданий внутри организации (Luhmann, 1981: 338). Одновременно всякий состоявшийся выбор открывает горизонт новых альтернатив.

Луман связывает поэтому решение с проблемой сложности организационной системы. Сложной она оказывается тогда, когда между ее элементами существует больше потенциальных связей, чем она способна актуализировать. Сложность принуждает организации делать выбор. Серии следующих друг за другом решений — есть процесс роста сложности (Луман, 2007: 53-54). Уникальный стиль организации определяется, таким образом, тем, какие решения она принимает, чтобы справиться со сложностью.

Серии решений, принимаемых организационной системой, конструируют свою собственную темпоральность. Это означает, что каждое принятое решение не только проводит различие между «до» и «после», но становится предпосылкой для следующего решения, то есть формирует ситуацию нового выбора или принятия решения. Каждое принятое решение удерживается в последующем решении как история и контингенция (Luhmann, 1981: 339), способствуя выработке собственного образца селективности. Решения, таким образом, в большей мере обусловлены предшествующими решениями, чем соображениями рациональности.

Получается странная на первый взгляд картина. Организация непрерывно принимает решения, но ни одно из них не устраняет проблему окончательно. Проблема заявляет о себе снова и снова. Каждое новое решение ведет к умножению альтернатив, к повышению сложности. Если проблема все же решается на основе каких-либо дедукций или рациональных соображений, то она не приводит к возникновению потенциальных альтернатив, а потому решением не является, но представляет собой либо дедукцию, либо рациональный расчет. Отсюда вытекает парадоксальность решения: решать можно только те вопросы, которые принципиально неразрешимы (Луман, 2007: 198). Но функцией решения, как мы помним, не является решение проблемы, а фиксация себя в однозначной форме в различии альтернатив. Парадоксальность решения как элемента системы делает саму систему парадоксальной.

Конечно, система игнорирует парадоксальность и вытекающую из нее принципиальную неразрешимость проблем и вопросов с помощью решений. Если бы она

была способна наблюдать собственную парадоксальность, это привело бы к самоблокировке, поэтому она сглаживает, зашифровывает или игнорирует парадокс, требующий своего решения. Эту операцию Луман называет *депарадоксализацией*. Она осуществляется через введение множества различий, скрывающих фундаментальную форму парадокса, который заряжает систему энергетикой безотлагательности принятия решений.

Политика/администрация

Отсюда мы наконец можем перебросить мостик от крайне абстрактной теории Лумана к нашему эмпирическому материалу и предложить схему, на которую можно опереться в анализе. А. Н. Андерсен приводит актуальный для нас пример операции депарадоксализации. Разграничение *политики и администрации* в рамках либеральных демократий представляет собой парадокс, поскольку само это различие является политическим: «Разделение политики и администрации необходимо для сохранения демократического государства, но однозначное разграничение невозможно, поскольку администрация всегда уже является политической. Однако в политической коммуникации этот факт затушевывается целым рядом других различий, например, различием политик/чиновник, решение/исполнение, главное/второстепенное и т. д.» (Andersen, 2001: 15). Такого рода различия основаны на различии политика/администрация, но они приводят к затушевыванию парадокса, по крайней мере, на некоторое время. В отдельных национальных контекстах различие политика/администрация может также обозначаться по-разному. В современном Иране говорят о разделении «политической воли и административного потенциала» (Danaeefard, 2021). В англоязычной литературе данное разделение называют политико-административной дихотомией — термином, который был впервые введен Вудро Вильсоном (будущим американским президентом) в его работе «Учение об администрировании» (Wilson, 1887).

Вудро Вильсон исходил из необходимости высвобождения рутинного и повседневного государственного администрирования от «торопливости и раздоров» политики, полагая, что государственное администрирование относится к сфере бизнеса. Хотя политика определяет задачи для администрирования, управленческий офис не должен подвергаться манипуляциям со стороны политиков. В целом исследователи трактуют данную дихотомию как необходимость сохранения политической нейтральности органов административного управления. Идеи Вильсона стали реакцией на появление и рост влияния групп реформирования местных муниципалитетов, которые в 1890-х годах осудили партийную систему и стремились выделить и освободить особую «административную» часть осуществления власти. Они выступали за эффективность управления, разрабатывали соответствующие инструменты и призывали к созданию сильной исполнительной власти, отделенной от политики (Schiesl, 1977).

Со времен Вильсона либеральные демократии стремились охранять незыблемость границ между политикой и администрацией. Социологизация административных исследований 1940-1950-х годов была охранительной реакцией на сложности, которые скрываются за угрозой стирания границы между политическим и административным секторами (Bezes et al., 2012). В ходе исторической эволюции либеральных демократий происходило спонтанное и настораживающее сближение административных и политических ролей: бюрократизация политического персонала и политизация бюрократов иллюстрируют размывание границы между двумя мирами (Aberbach et al., 1981: 16). Перемещение индивидов между административной и политической сферами, ставшее ключевым явлением конца XX века, привело к появлению «супербюрократов» и «чистых гибридов» двух групп (Campbell, Szablowski, 1979: 286). В 1990-е годы наступает еще одна волна реформирования под эгидой целого семейства доктрин под общей рубрикой *нового государственного управления* (New public management). Была предпринята очередная попытка провести более четкую демаркационную линию между политикой и администрацией, определяя особую сферу государственной администрации через функции предоставления услуг населению. Однако и эта попытка разрешения фундаментального парадокса привела к его обострению и новой волне критики «политизации функций» администрирования. Государственное администрирование столкнулось с необходимостью принимать политические решения, поскольку вызовы окружающего мира принуждали их непрерывно изменять перечень и параметры услуг. Решением дихотомии на новой ступени кризиса стали призывы к административному персоналу учитывать ограничения, характерные для политического поля, предвосхищать требования политиков, лично вкладываться в проекты и брать на себя ответственность за свои решения при разработке и реализации государственной политики (Bezes et al., 2007). В рамках той же политики Нового государственного управления до недавнего времени осуществлялась деполитизация политического руководства через делегирование — своеобразной конверсии политических проблем в технократические: целый ряд полномочий центральное правительство отдавало независимым агентствам, «квазигосударственным органам» (quango) или «органам-сателлитам», неправительственным организациям, полуавтономным правительственным комитетам и прочим *гибридам*. Считалось, что такое решение («Правительство при лунном свете»), приближает к решению «старейшей задачи политики» — окончательной деполитизации (Ranciere, 1995: 19).

История административных реформ в европейских странах и США на протяжении полутора веков так или иначе возвращалась к неразрешимому парадоксу политического руководства и администрирования. Каждая новая административная реформа принимала окончательное решение по поводу парадокса, но серии решений были лишь детализацией парадокса в новых формулировках. В самом начале административной реформы в России, которая растянулась с 2004 по 2010

год, некоторым экспертам была очевидна складывающаяся размытость политики/администрирования, а точнее, поглощение административным управлением функций политического руководства, которая затронула даже президентскую власть: «Вымывание политической составляющей не только из социальной реальности, но и из языка действующей власти достигло столь высокого уровня, что даже глава государства позиционирует себя как “высшего чиновника”, стремящегося к добросовестному выполнению своих обязанностей» (Куренной, 2004).

Государственное управление культурой на современном этапе оказывается в довольно сложной ситуации, которая была описана в недавней статье Александра Кибовского, руководителя департамента культуры Москвы (материал опубликован в «Литературной газете»). С одной стороны, государство вынуждено следовать существующему законодательству, отделяя администрацию от политики, во имя сохранения административных ценностей, а с другой стороны, оказывается под перекрестным огнем представителей разных политических лагерей, желающих подчинить администрацию политике, ради торжества очень определенных политических ценностей: «Однако давайте вспомним, что власть исполнительная обязана реализовывать то, что приняла власть законодательная. С 1992 года действуют Основы законодательства РФ о культуре. Прочитайте 31-ю статью, где черным по белому написано: власти гарантируют все свободы и не имеют права вмешиваться в творческий процесс. Финансировать обязаны, а регулировать — нельзя, только через суд. То же и в пункте 16 Положения о театре в РФ 1999 года, где прямо установлено, что снять спектакль нельзя. Министерство может влиять лишь на кадровую политику, например, уволить художественного руководителя. Но опять же для этого нужны “железные” доказательства его профессиональной непригодности. А если худрук, к примеру, талантлив, но имеет свой взгляд на наше прошлое и наше будущее — тогда что? Разве есть какие-то по этому поводу указания в Трудовом кодексе? Тогда что вы требуете от министерства, если его в лихие 90-е загнали за либеральные законодательные флажки... При такой ситуации откуда было взяться валу патриотических произведений? Если критерием успешности молодых режиссеров и художников являлась публичная слава любым путем, индекс упоминаемости в СМИ, то чего удивляться, что языком современного искусства стал эпатаж, провокация, скандальность?» (Кибовский, 2022).

В лице столичного министра культуры реальность формального администрирования вдруг получила слово. И похоже, это слово защищает свои операции по принятию решений от политики, что особенно интересно, если учесть, что они связаны именно с фиксацией ожиданий для создания предпосылок для новых операций по принятию решений. Министр убежден, что необходимо политическое или законодательное решение, которое снимет напряжение, связанное с обвинениями департамента в пассивности. Таким образом, дебаты вокруг разделения политики и администрирования со времен Вудро Вильсона непрерывно воспроизводят базовый системный парадокс, который формирует идентичность системы.

Партия/государство

Советская модель

Внутри советской модели неразрешимость дилеммы политики и администрации не могла быть системной. В СССР не было оппозиции, а потому неактуально было сохранение преемственности администрирования в электоральных циклах. Рынок также не имел автономии, которая требовала бы нейтральных процедур и правил конкуренции. Советский Союз не без основания называл себя государством нового типа, поскольку открыто признал свою классовую природу и свое радикальное отличие от остальных государств.

В СССР было заложено новое основание политико-государственной организации через отказ от нейтральности государственных структур в пользу сильного политического руководства одной партии. В основе модели здесь находилась иная неразрешимость. В самом начале процесса строительства нового социалистического государства большевики сформулировали оригинальный парадокс и искали собственные причудливые решения. Этот парадокс стал своего рода «родимым пятном» или особым советским способом разделения политического руководства и управления. Решение сводилось к разграничению руководящих функций партии и управленческих функций государственного (советского) аппарата. В исследовательской литературе оно иногда описывается как параллелизм партийных и государственных аппаратов, как своего рода ловушка советской государственности, в которую угодил СССР, вынужденный непрерывно пересматривать баланс решений и исполнений, компетенций и ответственности между партией и государственными органами.

Примечательным является тот факт, что проблема разграничения государственных и партийных функций впервые была озвучена именно тогда, когда обсуждалась культурная политика нового советского государства, а именно в ходе дискуссии вокруг организации Главполитпросвета — основного государственно-го органа, управляющего в тот исторический момент культурой (Десятый съезд РКП(б), 1933: 149). Именно в культурной сфере самым насущным образом ощущалась эта потребность в различении. Принцип разграничения партии и государства, выработанный в полемике по поводу культурного строительства, был понят как универсальный и распространился на все сферы партийно-государственной организации. Наиболее четко и рельефно главный принцип разграничения функций партии и государства сформулировал в 1921 году в докладе X съезду партии Евгений Преображенский. Он отмечал, что в настоящее время происходит стихийное формирование «аппарата по пропаганде коммунизма», но он складывается фрагментарным образом одновременно внутри целого ряда отдельных государственных комиссариатов. Теперь настало время создания единого аппарата, который был бы способен «вести эту пропаганду централизованно и систематически по принципу массового производства». Важный вопрос состоял в том, должен ли этот аппарат быть партийным или государственным?

Дискуссия о распределении функций между партийным и государственным аппаратами имела в виду множество разных управленческих проблем: эффективная концентрация кадров, учет специфики работы с конкретной социальной группой, преодоление бюрократизма, разграничение компетенций партийного руководства и государственного управления. Однако все участники дискуссии на X съезде исходили из одной неоспоримой предпосылки — монополия на культуру и производство культурных смыслов принадлежит исключительно партийному руководству.

Схема, предложенная Преображенским, состояла в том, что партия отводит государству (т. е. Главполитпросвету и Наркомпросу) культурно-просветительскую работу только в том случае, когда ее можно подчинить принципу «массового производства», когда она поддается «механизации» или «тиражированию» с учетом специфики социальных групп и классов, с которыми велась пропагандистская работа (молодежь, крестьяне, рабочие, солдаты, школьники, женщины, студенты и т. д.). Если можно «механизировать образование коммунистов», то эта работа также передается государственным структурам образования. Однако вся полнота организационной работы, включающей в себя политическое и идейное руководство, распределение кадров и общее руководство — это «абсолютная область» партии (Десятый съезд РКП(б), 1933: 143-153). Таким образом, «серийное производство» агитации, пропаганды и культурной работы передавалось государственным структурам, а руководство — их «двойнику», на тот момент партийному Отделу пропаганды и агитации. Иными словами, государственные органы принимают решения там, где возможны стандартизированные решения. Партия же принимает решения уникальные, учитывающие специфику момента.

Второй важной инновацией, помимо различения функций партии и государства, стало создание номенклатуры². Необходимость номенклатуры в системе с базовой дихотомией партии и государства вполне понятна: политические решения в уникальных, трудно поддающихся стандартизации условиях, нужно принимать на разных уровнях управления и в разных культурных, географических и социально-политических контекстах. Решением задачи сложности в таком случае будет образование и формирование специальной категории специалистов — партийных кадров («номенклатуры», людей со стандартизированной идеологической мотивацией, обученных принимать нестандартные решения.

Учебник по партийному строительству дает следующее определение номенклатуры — «это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые

2. Термин «номенклатура» появляется в партийных документах в 1923 году. По всей видимости, он был заимствован из зоологии времен Линнея. В зоологии номенклатура — способ наименования животных (род, вид и разновидность). Линней первый ввел двойную (бинарную) номенклатуру при описании животных и растений. Наиболее сходные между собой виды Линней соединял в роды (genus) и каждому виду давал двойное наименование: одно родовое, общее для нескольких сходных видов, и затем каждому отдельному виду специальное видовое название. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О назначениях» 12 июня 1923 года, а в октябре того же года ЦК вынес решение об основных задачах учетно-распределительной работы (Земляной, 2004).

предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах» (Партийное строительство, 1981: 300). Вопрос кадровых назначений был признан главным, поэтому ключевым аппаратом, осуществлявшим учет, расстановку и руководство образованием кадров на всех уровнях партийно-государственного управления, стало учетно-распределительное бюро ЦК (Учраспред). Этот «маленький аппаратик» (И. В. Сталин), или узел настройки, обладал наивысшей политической и структурообразующей значимостью внутри государственных и партийных органов. До создания Учраспреда кадровые вопросы решались разовыми кампаниями — через так называемые партмобилизации. Теперь же, с появлением Учраспреда, работа становилась системной и регулярной — его аппарат работал как в центре, так и на местах, у каждого заведующего отделами учраспредов были заместители по советской (государственной) и хозяйственной части, а также по учету «комсостава», «каждый работник изучался по косточкам» (Двенадцатый съезд РКП(б), 1923: 63-64), а затем распределялся по предприятиям, трестам, советским и партийным аппаратам. Позже вся эта система работы с кадрами (учет, распределение, образование) была названа системой партийно-хозяйственной номенклатуры.

В номенклатурной системе привлекают внимание три аспекта. Во-первых, она стала своего рода орденом внутри партии. По замыслу Сталина, номенклатуру должен был отличать особый корпоративный дух избранности — партии внутри партии. Он сравнивал его с орденом меченосцев (Павлюченков, 2008: 19). Избранность номенклатурных кадров была производной партийно-государственной системы, требовавшей выделения людей, умеющих принимать решения в особых обстоятельствах. Во-вторых, это был способ учета и контроля кадров на всех уровнях партийно-государственной вертикали и во всех регионах. Кадровый учет и контроль был способом контроля и селекции решений. В-третьих, именно через кадровый контроль, через внедрение номенклатурных работников в государственные и общественные организации, осуществлялось партийное руководство ими.

Историю партийно-государственного строительства в СССР можно описать как охрану различия между партией и государством и как процесс поиска оптимального равновесия³. Практически все форумы партии предлагали то или иное решение сложившихся дисбалансов между партией и советскими органами. Решения некоторых форумов выглядели окончательными и бесповоротными. Например, переход от функционального к производственно-отраслевому принципу строения партийного аппарата на XVII съезде. Затем в 1966 году на XXIII

3. На XVII съезде партии, под предлогом перехода от функционального к производственно-отраслевому принципу построения партийного аппарата, партия взяла на себя не только политическое руководство, но и многие функции оперативного управления (Жилинский, 1989: 10).

съезде КПСС осуждение этого принципа и требование от партийных комитетов всех уровней «до конца изжить мелочную опеку и подмену советских органов» (Двадцать третий съезд КПСС, 1966: 92). В 1977 году важной вехой стало совмещение высшей партийной и высшей государственной должности, когда генеральный секретарь КПСС стал председателем Верховного Совета СССР. Наконец, один из последних значительных партийных форумов — XIX партийная конференция — устами М. С. Горбачева объявил курс на реформу политической власти, суть которого описывалась формулировкой «отделение партийных органов от государственных», но на деле устанавливался лишь новый баланс распределения партийных кадров внутри государственной системы (например, принцип совмещения должностей главы партийного комитета и главы совета соответствующего уровня).

Китайская модель

Китайская Народная Республика унаследовала и развила советскую модель партийного руководства государством и номенклатурную систему⁴. Именно политическое руководство является центральным вопросом китайской политики (Li, 2016: 14). В основе всей системы государственного управления в Китайской Народной Республике лежит «смычка» партии и правительства — эти отношения разыгрываются в госаппарате на всех уровнях и во всех ведомственных сферах. Коммунистическая партия Китая (КПК) играет главенствующую роль в государстве с 1949 года, однако конкретные формы ее связей с остальными структурами постоянно корректируются (Chen, 2007). Об однопартийном руководстве и принципах реализации кадровой политики в КНР написано немало работ, в том числе отечественными исследователями — мы ограничимся здесь базовыми вехами, сделав акцент на управлении культурой, в котором наиболее рельефно проявляет себя специфика советско-китайской модели.

Первое поколение руководителей (и лично Мао Цзэдун) сознательно «клонировали» советскую номенклатурную систему, и даже при последующем разрыве отношений с СССР эта преемственность сохранялась. Кризисные события 1989 года поставили заслон и на пути сближения с западными образцами административного и политического управления. В результате с начала 1990-х годов и вплоть до 2020-х (даже и сейчас, в эпоху «авторитарных реформ» Си Цзиньпина, зафиксированных Шестым пленумом ЦК КПК в ноябре 2021 года) кадровые процессы в КНР идут по пяти принципам: открытое выдвижение, экзамены, аттестация кадров, кадровая ротация, децентрализация аппаратного управления (усиление кадров локального уровня и высокое качество низкой демократии на стадии обсуждения решений) (Мацузато, Сельцер, 2021: 120-122).

4. Концепция «кадров» была напрямую заимствована из работы В. И. Ленина «Что делать?», что отражено у современных китайских авторов и в партийных доктринальных документах. См.: Brødsgaard, 2017: 390.

В серии глубинных интервью с руководителями разных уровней партийно-государственного управления КНР респондентам задавался вопрос о том, почему сохранились Китай и КПК, но исчезли КПСС и СССР (Зуенко, Сельцер, 2022). Китайские чиновники были единодушны: «Секрет жизнеспособности КНР — в контроле правящей партии над руководящими кадрами. Потеря партией контрольных функций чревата для Китая неизбежным распадом и уходом КПК с исторической арены, то есть повторением судьбы СССР-КПСС». Поэтому советские принципы номенклатуры и разделения партийных и государственных функций являются краеугольными не только для устойчивого развития китайской политической системы.

Китайские исследователи сознают, насколько экзотично, мягко выражаясь, выглядит система партийного руководства для западных наблюдателей. Они называют ее партийно-правительственной (Lin, 2006: 5) или партийно-государственной системой (Chen, 2015) правления, что также напоминает советские определения. Поэтому они часто утверждают, что достоинства такой модели лучше всего проявляют себя в периоды «интенсивных, сложных, ненормативных трансформаций общества или в кризисах» (Guo, 2019), когда подобная модель управления является наилучшим инструментом мобилизации достижения стратегической цели (Bai, Liu, 2020: 6).

Руководящая и направляющая роль КПК в стране реализуется, во-первых, через координационные структуры в конкретных сферах и, во-вторых, через надзорные организации (комиссии по контролю над дисциплиной и др.). В целом профильные госорганизации в городах и других административных единицах занимаются прежде всего рутинными делами, «текучкой». Партийные же органы активно включаются в деятельность профильных организаций в ходе политических кампаний — то есть краткосрочных, но сильно воздействующих на реальность мероприятий, запущенных «сверху», после очередного значимого выступления генерального секретаря или партийного съезда, знаменующего поворот политики.

Наконец, что касается карьерного продвижения и отбора кадров, то базовой системой выступает *даньвэй* — два трека, политический и профессиональный: при продвижении работник идет либо по «линии» благонадежности и верности партийной идеологии, либо по линии образования, компетенций и профессионального опыта (Li, Walder, 2001). Два трека также рассматриваются по оси универсализм-партикуляризм: профессионалов отбирают и продвигают по универсальным критериям, а партийных работников — не в меньшей степени по субъективным критериям, в том числе возрасту, месту происхождения, связям (Zang, 2004). Вместе с тем, как отмечают исследователи, механизмы карьерного роста в партийной иерархии отчасти напоминают внутренние рынки труда в крупных американских и японских компаниях: малое количество точек входа на нижние ступени организации, иерархические должностные лестницы, четко определенные схемы карьерного роста, акцент на обучение на рабочем месте (а не вовне, в вузах, например)

и приобретенные таким образом навыки для карьерного продвижения, низкая текучесть кадров, бонусы за стаж работы (Zang, 2004).

Такова была в общих чертах ситуация со времен завершения культурной революции до середины 2010-х. Однако в последние годы генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин запустил ряд инициатив по «партийному строительству», стремясь изменить систему отношений партии, государства и общества — посредством более активного внедрения партийного контроля и влияния над госструктурами и общественными организациями и, что еще важнее, интенсификации и кодификации инструментов поддержания идеологической «чистоты» и политической лояльности (Snare, Wang, 2020).

Однако сложность разработки единой политики для такой неоднородной и сложной страны, как Китай, означает, что в результате она часто оказывается чересчур абстрактной, расплывчатой и неточной (Shi, 1997). Это оставляет заинтересованным сторонам свободное пространство для переговоров или сделок с властями на этапе реализации политики — в отличие от западной политической традиции, где «политика формулируется в виде правил и правовых норм, которые являются точными и конкретными» (Keane, 2001: 10).

В другом исследовании китайской модели управления дали название «экспериментирование в условиях иерархии» (Heilmann, 2008) — в результате чего практика опережает планы и инструкции. Это особенно заметно на примере реформы китайских государственных учреждений культуры. Многие из них были вынуждены самостоятельно формировать свои бюджеты без финансовой поддержки со стороны правительства. Это, в свою очередь, способствовало развитию предпринимательства и коммерческих инициатив (Zhang, 2006). «Экспериментирование в условиях иерархии» способствует конкуренции между местными органами власти, тогда как Пекин получает возможность отбирать успешные инициативы на местах и реализовывать их уже в масштабе страны.

Но культурная политика в Китае не стоит на месте — и в последние 5–8 лет к исторически первому ее компоненту (пропаганда и агитация), второму (коммерциализация, культура как индустрия, мягкая сила и культурный экспорт), утвердившемуся с 1990-х годов, прибавился третий — культура как пространство безопасности и, соответственно, необходимость точечных цензурных интервенций для обеспечения такой безопасности. Современная государственная идеология «Китайской мечты» и «Размышлений о социализме с китайскими чертами в новую эпоху» Си Цзиньпина отвергают западную концепцию либеральной демократии, а контролируемое партией государство пытается сохранить свою активную роль в мониторинге и надзоре за общественным дискурсом. Контроль государства над публичным пространством детализируется. Одновременно ряд новых институциональных и законодательных поправок значительно укрепил контроль над массовыми коммуникациями. Такого рода нововведения черпают свою легитимность в императиве защиты культурной безопасности Китая (вэньхуа аньцюань) (Fürst, 2021).

В современном Китае поток культурной продукции становится все шире, культурная политика, как было указано выше, в немалой степени децентрализована, культура прошла рыночные реформы, культурные продукты производятся массово и все более быстрыми темпами. Одновременно контроль и надзор со стороны партии реализуется уже не столько через общую линию и стратегию, определяемую раз в пятилетку, а через множество точечных цензурных мероприятий, прежде всего в цифровом пространстве. С момента прихода к власти Си Цзиньпина список цензурных ограничений стремительно растет. Черные списки СМИ, списки «опасных слов» и сайтов в интернет-изданиях постоянно обновляются, как и руководства для журналистов и редакторов, а также черные списки (стоп-листы) нежелательных персон в музыке, кино и других сферах культуры.

Эти явления идут рука об руку с нарастающей цифровой модернизацией китайской модели управления общественными и политическими процессами. Она затронула и собственно кадровую политику: «Цифровая трансформация дала властям возможность резко динамизировать процессы кадрового рекрутинга. Чиновник в Китае в полном смысле рождается в цифре» (Лу, Сельцер, 2022: 28). Именно в «цифре», во включении «больших данных» во все процессы, китайское руководство видит идеальный материал для разрешения всех противоречий, возникающих в ходе управления таким сложным объектом, как культура (противоречий между рынком и дирижизмом, между идеологическим контролем «сверху» и децентрализацией, между политическим и оперативным руководством). Здесь, как мы показали в работе о системе социального рейтинга, современный Китай обнажает свое глубинное сходство с СССР — точнее, их общие истоки в утопическом проекте модерны: количественные данные отражают истинное положение дел в обществе, и научная их обработка и использование не просто оптимизирует управление обществом и экономикой, но и позволит решить социальные проблемы технологическими инструментами (Chenchen Zhang, 2020: 13; Космарский, 2021).

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что своеобразие и специфика китайской версии партийно-государственного управления по сравнению с советской состоит в том, что индустриальное и сельскохозяйственное производство, а также предприятия культуры функционируют в рыночной среде и на рыночных условиях. Более того, некоторые принципы рыночного стимулирования внедряются в государственные структуры: у рядовых сотрудников есть фиксированные ставки, но возможны заработки сверх зарплат, что регулируется соответствующими регламентами. Государство гарантирует уровень минимального спроса соответствующими государственными заказами.

На первый взгляд процесс принятия решений выглядит запутанным и нерациональным. Однако эта замысловатость процедур принятия решений служит тому, чтобы затушевать системный парадокс о неразрешимости вопроса о разделении функций между партией и государством. Как и в СССР, регулярно возникающие споры о более четком или эффективном разделении функций партии и государства находят свое окончательное решение на очередном пленуме или съезде партии.

Заключение

Прежде чем в общих чертах мы представим возможные перспективы описанных нами двух моделей, отметим, что они развиваются сегодня в жестком соревновании. За пределами нашего анализа осталось обширное проблемное поле, связанное с эффектами взаимного влияния этих моделей друг на друга, а также на страны, вставшие на путь модернизации и обладающие возможностью выбора в пользу одной из альтернатив.

Факт влияния моделей друг на друга проявился в том, что Китаю удалось осуществить синтез однопартийной политической системы и рыночного капитализма, что в конце XX века казалось невозможным. Китай развернул базовый парадокс партия/государство через ряд решений, которые в СССР не были реализованы, хотя и могли обсуждаться. Во-первых, КПК допустила, что рекрутирование кадров должно происходить на основе технического и профессионального образования, а не классового происхождения или идеологических установок. Во-вторых, более решительно, чем в СССР, были регламентированы сроки пребывания на руководящих партийных и государственных позициях (хотя в настоящее время наблюдается появление исключений). В-третьих, были введены рейтинги и критерии оценок партийных должностных лиц согласно корпоративным образцам — нечто вроде KPI. В последнее время данная система оценок интегрируется в отстраиваемую систему социального кредита. В-четвертых, и, наверное, это самое важное, партия уделяла особое внимание тому, что процесс принятия решений процедурно оформляется и распределяется между организациями партии, государства и частного бизнеса, а также между разными иерархическими уровнями этих организаций. Создание специфических площадок принятия решений, объединяющих структуры партии, государства и бизнеса, является одной из характерных черт китайской версии модели, отличающей ее от советской. С 2015 года эта форма принятия и согласования решений именуется во всех партийных документах как *консультативная демократия*⁵.

Нам представляется перспективным исследование того, каким образом масштабная партийная программа создания системы социального кредита повлияет на развитие базового для данной модели парадокса. О социальном кредите сегодня выходит много публикаций. Как правило, исследования проводятся в перспективе технологий контроля и ограничений индивидуальных свобод. В настоящее время социальный кредит не является интегрированной системой, а представляет собой фрагментированный набор локальных инициатив. Остаются без внимания вопросы, связанные с тем, к какой эволюции партийно-государственной модели приведет возможная интеграция этих экспериментов в единую систему. Кто и каким образом будет принимать решения по поводу алгоритмов и критериев оценки

5. В 2015 году ЦК КПК выпустил важный документ «Замечания относительно укрепления социалистической консультативной демократии». На последующих съездах принимались решения по развитию форм и регламентов консультативной демократии.

рейтингов, какое влияние это может оказать на партию, ее кадровую политику и консультативную демократию.

В последнее десятилетие в западной литературе по управлению идут острые и идеологически насыщенные споры о новом типе управления и лидерства. Часть исследователей утверждает, что сетевые, а не иерархические структуры управления выдвигают на первый план запрос на *постгероическое правительство и управление*. Оно преподносится как новый тип демократического лидерства, требующего репрезентации разного рода меньшинств в структурах управления. Некоторые называют такой «толерантный» стиль антиподом героическому, или харизматическому лидерству. Управление, полагают они, должно впитать в свою сеть культурное разнообразие и избежать создания новых иерархий (Kelan, 2017). Левые радикалы полагают, что необходимы макроизменения и ради более широкой представленности меньшинств в управлении нужно использовать энергию радикально мыслящих героических лидеров, в особенности среди высших руководителей. Таким образом, наметился отход от принципов нейтральности управления, в особенности государственного, который исповедовался многими социальными теоретиками на протяжении XX столетия.

По нашему мнению, требуется точная оценка данных тенденций. С одной стороны, отход от нейтральности и технократизма в управлении можно принять за исчерпанность модели, построенной вокруг различения политики/администрации, что проявляется в усилении полемики вокруг ценностей. Луман утверждал, что «ценности служат для того, чтобы остановить рефлексию. Когда это не работает, дифференцируются небольшие системы, в которых это работает» (Luhmann, 2008: 28). Сами по себе споры вокруг ценностей свидетельствуют о распространении политизации на сами основания либерально-демократической модели. С другой стороны, разворачивание системного парадокса происходит в виде циклов осцилляции, а потому важно очередное колебание не спутать с глобальной системной перестройкой или началом нового этапа эволюции политико-государственной системы в развитых странах Запада.

Но с большой определенностью можно сказать, что движение вроде конвергенции, когда одна модель эволюционирует в другую, невозможно — системность политических организаций осуществляется через преемственность решений по отношению друг к другу. Китай может превратиться в либеральную демократию только через семантический коллапс. Впрочем, верно и обратное утверждение.

Неутешительный итог подвел один из известных исследователей дискуссии вокруг политико-административной дихотомии: «Оглядываясь на пройденный путь, мы, к сожалению, не можем прийти к выводу, что почти два века обсуждений отношений между политикой и администрацией привели к большему консенсусу или даже к большей ясности по рассматриваемым вопросам. Напротив, традиция, похоже, застряла в запутанном нагромождении недоразумений и недопонимания» (Overeem, 2010).

Литература

- Жилинский С.* (1989). Разграничение функций партийных и государственных органов // Правоведение. № 6.
- Земляной С. Н.* (2004). Истоки и смысл сталинской номенклатуры // Политическая наука. № 1. С. 119-137.
- Зуенко И., Сельцер Д.* (2022). «Кадры решают все»: реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980-1990-х годов // Известия Восточного института. № 1. С. 58-69.
- Кибовский А.* (2022). Мы давно стали мишенью для Запада // Литературная газета. 30 ноября. URL: <https://lgz.ru/article/-48-6862-30-11-2022/my-davno-stali-mishe-nyu-dlya-zarada/> (дата обращения: 19.11.2022).
- Космарский А. А.* (2021). Китайский социальный рейтинг: технология доверия для нового общества модерна // Социодиггер. № 2 (7). С. 55-61.
- Куренной В. А.* (2004). В поисках достоинств: смысл и логика административной реформы // Отечественные записки. № 2 (17). URL: <https://strana-oz.ru/2004/2/v-poiskah-dostoinstv-smysl-i-logika-administrativnoy-reformy#s1> (дата обращения: 19.11.2022).
- Луман Н.* (2007). Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука.
- Лу С., Сельцер Д. Г.* (2022). Система аттестации руководящих кадров современного Китая // Власть и элиты. Т. 9. № 2. С. 27-55.
- Мацузато К., Сельцер Д.* (2021). Государственная кадровая политика в КНР (время Ху Цзиньтао) // Власть и элиты. Т. 8. № 2. С. 113-133.
- Павлюченков С. А.* (2008). «Орден меченосцев»: партия и власть после революции 1917-1929 гг. М.: Собрание.
- Партийное строительство (1981): Учебное пособие. М.
- Двадцать третий съезд КПСС 29 марта — 8 апреля 1966 г. (1966). Стенографический отчет. В 2-х т. М.: Политиздат. Т. 1.
- Двенадцатый съезд РКП(б). Апрель 1923 г. (1968). Стенографический отчет. М.: Политиздат.
- Десятый съезд РКП(б). Март. 1921 г. (1933). Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Протоколы съездов и конференций ВКП(б). М.: Парт. изд.
- Aberbach J. D., Putnam R. D., Rockman B. A.* (1981). *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Londres: Harvard University Press.
- Andersen A. N.* (2001). The Undecidability of Decision // MPP Working Paper No. 12.
- Bai Z., Liu J.* (2020). China's governance model and system in transition // Journal of Contemporary East Asia Studies. Vol. 9. № 1. P. 65-82.
- Bezes P., Le Lidec P.* (2007). French Top Civil Servants Within Changing Configurations: from Monopolization to Contested Places and Roles? // From the Active to the Enabling State. The Changing Role of Top Officials in European Nations / E. C. Page, V. Wright (eds). London: Palgrave Macmillan.
- Bezes P., Pierru F.* (2012). État, administration et politiques publiques: les déliaisons dangereuses. La France au miroir des sciences sociales nord-américaines // Gouvernement & action publique. Vol. 2. P. 41-87.

- Brødsgaard K. E.* (2017). *Management of Party Cadres // Critical Readings on the Chinese Communist Party / Ed. by K. E. Brødsgaard.* Leiden: Brill.
- Campbell C., Szablowski G. J.* (1979). *The Super-Bureaucrats: Structure and Behaviour in Central Agencies.* New York: New York University Press.
- Chenchen Zhang* (2020). *Governing (through) trustworthiness: technologies of power and subjectification in China's social credit system // Critical Asian Studies.* Vol. 52. № 4. P. 565-588.
- Chen L. A.* (2007). *Historical Survey of Leadership System Under the Guidance of the Communist Party of China: 1921–2006.* Shanghai: Shanghai People's Publishing House.
- Chen M.* (2015). *Zai Geming Yu Xiandaihua Zhijian : Guanyu Dangzhi Guojia De Yige Guancha He Taolun [Between Revolution and Modernization: An Observation and Discussion about the Rule of the Party].* Shanghai: Fudan Daxue Chubanshe.
- Danaeefard H.* (2021). *The Fate of Public Policies after Proclamation: An Analysis of the Interaction of Political Will and Administrative Capacity // Journal of Iranian Public Administration Studies Winter.* Vol. 4. № 4. URL: http://www.jipas.ir/article_151301.html?lang=en. (дата обращения: 19.11.2022).
- Fürst R.* (2021). *Cultivating the Art of Anxiety: Securitising Culture in China // China Report.* Vol. 57. P. 433–450.
- Heilmann S.* (2008). *Policy experimentation in China's Economic Rise // Studies in Comparative International Development.* Vol. 43. P. 1-26.
- Keane M.* (2001). *Broadcasting policy, creative compliance and the myth of civil society in China // Media Culture & Society.* Vol. 23. P. 783–798.
- Kelan E.* (2017). *Post-Heroic Leadership, Tempered Radicalism and Senior Leaders as Change Agents for Gender Equality // European Management Review.* Vol.15. Issue 1. P. 5-18.
- Li B., Walder A.* (2001). *Career Advancement as Party Patronage: Sponsored Mobility into the Chinese Administrative Elite, 1949–1996 // American Journal of Sociology.* Vol. 106. P. 1371-1408.
- Li C.* (2016). *Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership.* Washington: Brookings Institution.
- Lin Y.* (2006). *Gongwuyuanfa yanjiu (A Study of the Civil Service Law).* Beijing: Dangjian Duwu Chubanshe.
- Luhmann N.* (2008). *Are There Still Indispensable Norms in Our Society? // Soziale Systeme.* Heft 1. S. 18-37.
- Luhmann N.* (1981). *Organisation und Entscheidung // Luhmann N. Soziologische Aufklärung.* Opladen: Westdeutscher Verlag. S. 335-390.
- March J. G.* (1997). *Understanding how decisions happen in organizations // Organizational decision making / Z. Shapira (ed.).* Cambridge: Cambridge University Press.
- Overeem P.* (2010). *The politics-administration dichotomy: a reconstruction.* Leiden: LEI Universiteit Leiden. URL: <https://hdl.handle.net/1887/14560> (accessed 19 November 2022).

- Ranciere J.* (1995). *On the Shores of Politics*. London: Verso.
- Shan S.* (2014). Chinese cultural policy and the cultural industries // *City, culture and society*. Vol. 5. P. 115–121.
- Shi T.* (1997). *Political participation in Beijing*. Cambridge: Harvard University Press.
- Snape H., Wang W.* (2020). Finding a place for the Party: debunking the «party-state» and rethinking the state-society relationship in China's one-party system // *Journal of Chinese Governance*. Vol. 5. P. 477–502.
- Schiesl M. J.* (1977). *The Politics of Efficiency. Municipal Administration and Reform in America: 1880-1920*. Berkeley (Calif.): University of California Press.
- Wilson W.* (1887). *The Study of Administration* // *Political Science Quarterly*. Vol. 2. № 2. P. 197–222.
- Zang X.* (2004). *Elite Dualism and Leadership Selection in China*. New York: Routledge Curzon.
- Zhang X.* (2006). From institution to industry: Reforms in cultural institutions in China // *International Journal of Cultural Studies*. Vol. 9. P. 297–306.

Paradoxes of the Soviet-Chinese and Liberal-Democratic Models of Government

Rouslan Khestanov

Doctor of Philosophy (PhD), Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; Head of the Laboratory of Cultural Research of the Institute of Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya st. 20, Moscow, 101100, Russia
E-mail: khestanov@hse.ru

Artyom Kosmarski

Artyom Kosmarski, Ph. D. in sociology, researcher, State Academic University for the Humanities (GAUGN),
Address: Moscow, Russia, Maronovskiy Lane 26, 119049
E-mail: artyom.kosmarski@gmail.com

The article focuses on two models of political and state formations, those of liberal-democratic and Soviet-Chinese. The use of Niklas Luhmann's concept of decision in analyzing their systemic foundations opens a new perspective on both these models and the contemporary political process. A brief overview of the discussion on the topic of decision-making in organizations was offered, and the heuristic value of Niklas Luhmann's concept of decision was substantiated. One of his key definitions of decision is that decision-making can be described as the transformation of uncertainty into risk. In this view, decision is seen as a function and element of the organization or organizational systems. An organization continuously makes decisions, though none solve the problem because it is based on a paradox: only those issues that are fundamentally undecidable can be decided. At the same time, each new decision is not only a response to the challenges of the surrounding world, but is contingently determined by a series of previous decisions. Therefore, one can say that the decision-making process is based on the paradox that constitutes the organization and determines its specificity and identity. The article demonstrates that the liberal-

democratic model is based on the paradox of politics and administration. The Soviet-Chinese model is based on the paradox of party and state.

Keywords: USSR, China, decision, political-administrative dichotomy, one-party state, Niklas Luhmann

References

- Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. (1981) *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*, Londres: Harvard University Press.
- Andersen A.N. (2001) *The Undecidability of Decision*. MPP Working Paper no 12.
- Bai Z., Liu J. (2020) China's governance model and system in transition. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, vol. 9, no 1, pp. 65-82.
- Bezes P., Le Lidec P. (2007) French Top Civil Servants Within Changing Configurations: from Monopolization to Contested Places and Roles? *From the Active to the Enabling State. The Changing Role of Top Officials in European Nations* (E. C. Page, V. Wright eds.), London: Palgrave Macmillan.
- Bezes P., Pierru F. (2012) État, administration et politiques publiques: les déliaisons dangereuses. *La France au miroir des sciences sociales nord-américaines. Gouvernement & action publique*, vol. 2, pp. 41-87.
- Brødsgaard K.E. (2017) Management of Party Cadres. *Critical Readings on the Chinese Communist Party* (ed. K.E. Brødsgaard), Leiden: Brill.
- Campbell C., Szablowski G.J. (1979) *The Super-Bureaucrats: Structure and Behaviour in Central Agencies*, New York: New York University Press.
- Chenchen Zhang (2020) Governing (through) trustworthiness: technologies of power and subjectification in China's social credit system. *Critical Asian Studies*, vol. 52, no 4, pp. 565-588.
- Chen L.A. (2007) *Historical Survey of Leadership System under the Guidance of the Communist Party of China: 1921-2006*, Shanghai: Shanghai People's Publishing House.
- Chen M. (2015) *Zai Geming Yu Xiandaihua Zhijian: Guanyu Dangzhi Guojia De Yige GuanCha He Taolun* [Between Revolution and Modernization: An Observation and Discussion about the Rule of the Party], Shanghai: Fudan Daxue Chubanshe.
- Danaeefard H. (2021) The Fate of Public Policies after Proclamation: An Analysis of the Interaction of Political Will and Administrative Capacity. *Journal of Iranian Public Administration Studies*, Winter, vol. 4, no 4. URL: http://www.jipas.ir/article_151301.html?lang=en. (дата обращения: 19.11.2022).
- Fürst R. (2021) Cultivating the Art of Anxiety: Securitising Culture in China. *China Report*, vol. 57, pp. 433-450.
- Heilmann S. (2008) Policy experimentation in China's Economic Rise. *Studies in Comparative International Development*, vol. 43, pp. 1-26.
- Keane M. (2001) Broadcasting policy, creative compliance and the myth of civil society in China. *Media Culture & Society*, vol. 23, pp. 783-798.
- Kelan E. (2017) Post-Heroic Leadership, Tempered Radicalism and Senior Leaders as Change Agents for Gender Equality. *European Management Review*, vol.15, issue 1, pp. 5-18.
- Kibovsky A. (2022) 'We have long been a target for the West'. *Literary newspaper*. November 30. URL: <https://lgz.ru/article/-48-6862-30-11-2022/my-davno-stali-mishenyu-dlya-zapada/> (accessed 19 November 2022). (In Russian).
- Kosmarsky A.A. (2021) Chinese social rating: technology of trust for the new modern society. *Sociodigger*, vol. 2 (7), pp. 55-61. (In Russian).
- Kurennoy V.A. (2004) 'In search of virtues: the meaning and logic of administrative reform'. *Otechestvennyye zapiski* [Domestic notes], no 2(17). URL: <https://strana-oz.ru/2004/2/v-poiskah-dostoinstv-smysl-i-logika-administrativnoy-reformy#s1> (accessed 19 November 2022). (In Russian).
- Li B., Walder A. (2001) Career Advancement as Party Patronage: Sponsored Mobility into the Chinese Administrative Elite, 1949-1996. *American Journal of Sociology*, vol. 106, pp. 1371-1408.
- Li C. (2016) *Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership*, Washington: Brookings Institution.

- Lin Y. (2006) *Gongwuyuanfa yanjiu* [A Study of the Civil Service Law], Beijing: Dangjian Duwu Chubanshe.
- Lu S., Selzer D. G. (2022) The system of certification of managerial personnel of modern China. *Power and Elites*, vol. 9, no 2, pp. 27-55. (In Russian).
- Luhmann N. (2008) Are There Still Indispensable Norms in Our Society? *Soziale Systeme*, Heft 1, pp. 18-37.
- Luhmann N. (1981) Organisation und Entscheidung. *Soziologische Aufklärung*, Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 335-390.
- Luhmann N. (2007) *Social Systems. Sketch of the general theory*, St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
- March J. G. (1997) Understanding how decisions happen in organizations. *Organizational decision making* (Z. Shapira ed.), Cambridge: Cambridge University Press.
- Matsuzato K., Selzer D. (2021) State Personnel Policy in the PRC (Hu Jintao's time). *Power and Elites*, vol. 8, no 2, pp. 113-133. (In Russian).
- Party Building* (1981) *Study Guide*, Moscow. (In Russian).
- Pavlyuchenkov S. A. (2008) "The Order of Sword Bearers": *Party and Power after the Revolution of 1917-1929*, Moscow: "Sobranie". (In Russian).
- Overeem P. (2010) *The politics-administration dichotomy: a reconstruction*, Leiden: LEI Universiteit Leiden. URL: <https://hdl.handle.net/1887/14560> (accessed 19 November 2022).
- Schiesl M. J. (1977) *The Politics of Efficiency. Municipal Administration and Reform in America: 1880-1920*, Berkeley (Calif.): University of California Press.
- Ranciere J. (1995) *On the Shores of Politics*, London: Verso.
- Shan S. (2014) 'Chinese cultural policy and the cultural industries'. *City, culture and society*, no 5, pp. 115-121.
- Shi T. (1997) *Political participation in Beijing*, Cambridge: Harvard University Press.
- Snape H., Wang W. (2020) Finding a place for the Party: debunking the «party-state» and rethinking the state-society relationship in China's one-party system. *Journal of Chinese Governance*, no 5, pp. 477-502.
- Schiesl M. J. (1977) *The Politics of Efficiency. Municipal Administration and Reform in America: 1880-1920*, Berkeley (Calif.): University of California Press.
- Tenth Congress of the RCP(b). March. 1921 (1933) *Institute of Marx-Engels-Lenin under the Central Committee of the CPSU(b). Protocols of congresses and conferences of the CPSU(b)*, Moscow: Part. ed. (In Russian).
- Twelfth Congress of the RCP(b). April 1923'. (1968) *Verbatim record*, Moscow: Politizdat, pp. 63-64. (In Russian).
- Wilson W. (1887) The Study of Administration. *Political Science Quarterly*, vol. 2, no 2, pp. 197-222.
- Zang X. (2004) *Elite Dualism and Leadership Selection in China*, New York: Routledge Curzon.
- Zemlyanoy S. (2004) The origins and meaning of the Stalinist nomenclatura. *Political Science*, no 1, pp. 119-137. (In Russian).
- Zhang X. (2006) From institution to industry: Reforms in cultural institutions in China. *International Journal of Cultural Studies*, no 9, pp. 297-306.
- Zhilinsky S. (1989) Distinguishing the functions of party and state bodies. *Jurisprudence*, no 6. (In Russian).
- Zuenko I., Seltser D. (2022) "Staff decide everything": the reform of the personnel system of the PRC at the turn of the 1980-1990s. *News of the Eastern Institute*, no 1, pp. 58-69. (In Russian).